

Глава 20

Освободитель балканских христиан

Во второй половине XVII века возникла новая и совершенно неожиданная угроза для Османской империи – на севере усиливалось Московское государство. Турки привыкли смотреть на москвитов с пренебрежением, даже сносились с ними не напрямую, а через своих вассалов, крымских татар. И в самом деле, по сложившемуся порядку взаимного подчинения, крымские татары, данники султана, сами получали дань с царя. Для крымских ханов Московия служила источником рабов и скота: ежегодные татарские набеги на Украину и юг России в изобилии приносили и то и другое.

Османская империя не была бы так безразлична к Российскому государству, если бы Москва не тратила все силы на борьбу с другими своими врагами. Два самых многочисленных народа Восточной Европы, русские православные и польские католики, враждовали друг с другом из поколения в поколение. Но в 1667 году произошла неприятная для султана перемена: русские и поляки утрясли взаимные разногласия, хотя бы на время, ради союза против турок. В 1686 году польский король Ян Собеский, которому не терпелось сразиться с Османской империей, временно (потом оказалось, что навсегда) передал Киев правительнице Софье, а взамен Россия примкнула к польско-австрийско-венецианскому альянсу против Турции.

Россия, подталкиваемая союзниками, вступила, наконец, в войну. Два похода на крымских татар – в 1687 и 1689 годах, – когда войсками командовал Софьин фаворит, Василий Голицын, окончились крахом. В Константинополе еще прочнее укрепились во мнении о военной несостоятельности России, а в Москве неудачи Голицына стали толчком к смене власти. Они обнажили слабости правления Софьи, привели к падению регентши, и власть перешла в руки партии Нарышкиных, которая действовала от имени Петра. До тех пор пока юный царь муштровал солдат, строил лодки и ездил в Архангельск, отношения между Россией и Турцией оставались равными. Формально обе страны все еще находились в состоянии войны друг с другом, но войны как таковой на самом деле не было.

Когда Петр достиг зрелости, то усмотрел в антитурецком союзе и в незавершенной войне возможность осуществить свою сокровенную мечту – прорваться к югу и вывести флот в Черное море. Две летние Азовские кампании в 1695 и 1696 годах стали первыми походами русских не против татар, а против настоящей турецкой крепости с гарнизоном из турецких солдат. Удача Петра во второй из этих попыток встревожила султанское правительство: русские военные корабли показались туркам страшнее русских сухопутных ратей. Теперь царь расчистил себе путь в устье Дона и накапливал флот в Таганроге и Азове, однако, по счастью (с турецкой точки зрения), османские крепости все еще контролировали Керченский пролив и препятствовали выходу этих судов в Черное море.

Именно стремление вновь разжечь страсти, подзадорить союзников по антитурецкой коалиции, а может быть, и найти новых послужило официальной причиной Великого посольства в 1697 году. Мы уже видели, что своих целей царь не достиг. После же того, как союзники подписали с турками мирный договор в Карловице, России как второстепенному участнику конфликта предоставили мириться с турками самой – на таких условиях, какие она сумеет для себя выторговать. Царь, не получивший вождельных плодов, не простил австрийцам их предательства в Карловице. «Они на меня обращают не больше внимания, чем на пса, – горько сетовал он. – Я никогда не забуду, как они со мной поступили. Я вышел с пустыми карманами».

Хотя Петр не добился всего, чего желал, его победа под Азовом имела далеко идущие последствия. Эта первая победа русских над турками демонстрировала превосходство – пусть только временное и ограниченное по масштабам – над державой, которой москвиты прежде всегда побаивались. России повезло, что петровское время, в отличие от былых эпох, не породило великих османских султанов и визирей. Обширная держава к югу от России пребывала в дремоте, но она по-прежнему занимала громадную территорию, обладала

несметными ресурсами, и – если бы ее тронули – могла обрушить на своих соседей сокрушительную мощь.

И вот этому-то погруженному в сон, но все равно грозному гиганту Петр в 1711 году бросил вызов, выступив в поход на Балканы.

* * *

К 1710 году тридцатилетнее перемирие с Турцией, подписанное накануне Северной войны, длилось уже десять лет, причем турки соблюдали его даже тогда, когда Петр казался наиболее уязвимым. Этими благоприятными обстоятельствами и царь, и Россия прежде всего были обязаны первому постоянному послу в Константинополе Петру Толстому. Вот каким он предстает на портрете: умные голубые глаза, высокий лоб, кустистые черные брови, седой парик по европейской моде; бритое лицо исполнено спокойствия. Весь облик этого человека дышит энергией, самообладанием, уверенностью в себе, удачливостью.

Все эти свойства и большая доля везения помогли Толстому избежать ловушек, то и дело встречавшихся на пути в его долгой и незаурядной карьере. Он родился в 1645 году⁵¹ в помещичьей семье из числа не самой знатной аристократии; поначалу принял сторону Милославских и горячо поддерживал Софью в ее отчаянном столкновении с молодым царем Петром в 1689 году, но в последний момент перешел на сторону победителей. Петр, не вполне доверяя этому новому приверженцу, послал его управлять отдаленным северным Устюжским уездом. Там Толстому выпало в роли воеводы принимать царя летом 1693 и 1694 года, когда тот ехал в Архангельск и возвращался обратно. Толстой произвел хорошее впечатление, которое позже упрочил своей достойной службой во втором Азовском походе. А в 1696 году он приобрел прочное расположение Петра, вызвавшись ехать в Венецию и учиться строить и водить корабли, хотя дожил уже до весьма зрелых лет и был обременен семейством. Толстой кое-что постиг в морском деле, поплавал по Средиземному морю, но важнее было то, что он научился говорить по-итальянски и освоился с западной жизнью и культурой, – все это пригодилось ему потом на дипломатическом поприще. Проницательный, хладнокровный, умеющий, когда надо рискнуть, выделявшийся среди русских культурой и интеллектом, Толстой стал необычайно полезен для царя. Оценив его по достоинству, Петр возложил на Толстого два самых тяжелых дипломатических поручения за все его царствование: длительную миссию в Константинополь и позднее – операцию по возвращению в Россию царевича Алексея.

Воздавая должное одаренному и преданному слуге, Петр наградил Толстого наследственным графским титулом, однако о былой его оппозиции тоже не забыл. Однажды царь взял старика за голову своими могучими руками и проговорил: «Эх, голова-голова! Не сидеть бы тебе на плечах, не будь ты так умна».

По своему нраву и опыту Толстой как нельзя лучше подходил для роли первого постоянного российского посла при султанском дворе. Он приехал туда к концу 1701 года с инструкциями, которые с незапамятных времен дают всем дипломатам: добиваться, чтобы Турция сохраняла перемирие, сделать все возможное для возбуждения взаимного недовольства между Турцией и Австрией, собирать и передавать в Москву сведения о внешних связях и внутренней политике Османской империи, сообщать свое мнение о людях, пребывающих у власти или способных прийти к ней в будущем, и наконец – разведывать, что удастся, о сухопутных и морских военных силах Турции и о мощности турецких крепостей на Черном море. Задание было не из легких, тем более что туркам вовсе не нужен был в Константинополе русский посол. Послы других государств постоянно находились в османской столице, чтобы способствовать коммерции, но Россия с Турцией не торговала, а потому присутствие Толстого вызывало у турок подозрения.

⁵¹ По уточненным данным, П. А. Толстой родился в 1653 или 1654 г. – *Примеч. ред.*

Для начала посол оказался в положении, напоминающем домашний арест. Он писал Петру: «Житье мое им зело не любо, потому что запазушные их враги греки нам единовѣрны. И есть в турках такое мнение, что я, живучи у них, буду рассеивать в христианах слова, подвигая их против бусурман, для того крепкий заказ грекам учинили, чтоб со мной не видались, и страх учинили всем христианам, под игом их пребывающим, такой, что близко дому, в котором стою, христиане ходить не смеют, и платье грекам одинаковое с бусурманами носить запретили, чтоб были отличны от турок. Ничто им такого страха не наносит, как морской твой флот; слух между ними пронесся, что у Архангельска сделано 70 кораблей великих и чают, что, когда понадобится, корабли эти из океана войдут в Средиземное море и могут подплыть под Константинополь».

Несмотря на все трудности, Толстой добился серьезного успеха. Ему удалось создать сеть информаторов, опираясь отчасти на Православную церковь на территории Османской империи (тут особенно помог патриарх Иерусалимский Досифей), а отчасти – на помощь голландцев, которые прекрасно разбирались в политической путанице при турецком дворе.

Во времена Толстого хитросплетения эти были исключительно сложными. Великие визири сменялись один за другим. Кто-то из них относился к Толстому получше, кто-то похуже, но надежным его положение не было никогда. В 1702 году к власти пришел великий визирь Дальтабан Мустафа, который имел намерение поддержать крымского хана в его желании возобновить войну с Россией. Не жалея денег на подкуп, Толстой сумел довести происки визиря до сведения матери султана, и Дальтабан был смещен и обезглавлен. Следующий визирь был с Толстым осторожнее, но все равно двое янычар несли караул у дверей посла и следили за каждым шагом его.

В 1703 году, когда султана Мустафу II сменил на троне его брат, Ахмед III, Толстому позволили было ездить, куда ему заблагорассудится, но затем появился очередной великий визирь и послабления кончились. Посол в отчаянии писал в Москву: «Новый визирь ко мне неласков, и мое прискорбное пребывание, труды и страх возобновились пуще прежнего: опять ко мне никто не смеет, и я никуда не могу ездить, с великим трудом и письмо это мог послать. Вот уже при мне шестой визирь, и этот хуже всех». Вскоре шестого визиря сменил седьмой, но дела Толстого обстояли по-прежнему неважно.

В какой-то мере дурное обращение с Толстым объяснялось тем, что турецкий посол в Москве тоже жаловался на дурное отношение со стороны русских. Турецкого представителя, посланного оповестить о восшествии на престол Ахмеда III, приняли вежливо, но аудиенции у царя заставили ждать очень долго. Эта проволочка была намеренной. Петр хотел потянуть время, чтобы таким образом убедить посла в величии русского царя. К тому же Петр никак не допускал турка туда, куда он больше всего стремился: на базу российского флота в Азове и на верфи в Воронеже. Царь писал азовскому губернатору, чтобы тот не давал «турке» приблизиться к Воронежу и увидеть Азов.

Все это рикошетом ударило по Толстому, когда в Константинополь пришло письмо, в котором турецкий посол рассказывал, как с ним обращаются в России. «Что [он] писал, того не знаю, – рассказывал Толстой, – но меня страшно стеснили, заперли со всеми людьми на дворе моем и никого с двора, ни на двор не пускают, сидели мы несколько дней без пищи, потому что и хлеба купить никого не пустили, а потом едва упробольшими подарками, что начали пускать по одному человеку для покупки пищи».

Кроме того, Толстой тревожился, как бы кто-нибудь из посольских сотрудников не принял ислам и не выдал бы всю его сеть информаторов. В конце концов так и случилось, но посол безотлагательно разрешил эту проблему. «Притом нахожусь в большом страхе от своих дворовых людей, – пишет он в Москву. – Жив здесь три года, они познакомились с турками, выучились и языку турецкому, и так как теперь находимся в большом утеснении, то боюсь, что, не терпя заключения, поколеблются в вере, потому что бусурманская вера маломысленных очень прельщает; если явится какой-нибудь Иуда, великие наделает пакости, потому что люди мои присмотрелись, с кем я из христиан близок и кто великому государю служит, как, например, иерусалимский патриарх, господин Савва Рагузинский-

Владиславич и другие, и если хотя один сделается ренегатом и скажет туркам, кто великому государю работает, то не только наши приятели пострадают, но и всем христианам будет беда. Внимательно за этим слежу и не знаю, как Бог управит. У меня уже было такое дело: молодой подьячий Тимофей, познакомившись с турками, выдумал обусурманиться; Бог мне помог об этом сведать, я призвал его тайно и начал ему говорить, а он мне прямо объявил, что хочет обусурманиться: я его запер в своей спальне до ночи, а ночью он выпил рюмку вина и скоро умер; так его Бог сохранил от такой беды».

Шло время, забот у Толстого прибавлялось. Не присылали из России жалованье, и он вынужден был, чтобы свести концы с концами, продать часть собольих шкурок, выданных ему на подарки. Он писал царю – просил денег и разрешения выйти в отставку и вернуться домой. Петр ответил отказом на том основании, что деятельность Толстого очень важна для России. И Толстой продолжал выбиваться из сил: подкупал, интриговал – словом, делал что мог. В 1706 году он доносил, что двое из самых благоразумных пашей задушены по подстрекательству великого визиря, который не любит способных людей, и «дай Вышний, чтоб и остальные все передавились».

Когда на Дону восстали казаки под предводительством Булавина, а шведы вторглись в Россию, Петр опасался, как бы султан не соблазнился удобным моментом отобрать Азов. Он склонялся к тому, чтобы умиротворить турок, и приказал ни в коем случае не держать в русских тюрьмах ни одного турецкого или татарского узника. Толстой этих шагов не одобрял. Он чувствовал, что турки скорее утихомирятся, если держаться с ними жестко, даже угрожающе. Дальнейшие события подтвердили его правоту. Весной и летом 1709 года, накануне Полтавы, турки не вмешались в войну на стороне Швеции – мало того, упорные разговоры о войне с Россией и слух, что русский флот уже входит в устье Босфора, даже вызвали настоящую панику на константинопольских улицах.

Так восемь трудных лет Толстой с успехом поддерживал интересы своего повелителя и оберегал мир между Россией и Турцией. Но в 1709 году Карл XII, бежавший из-под Полтавы, явился во владения султана. С этого момента султан четырежды за три года объявлял войну России.

* * *

Перейдя Буг и вступив на земли Османской империи, Карл XII стал гостем султана. Король и казацкий гетман Мазепа попросили убежища во владениях султана. Согласно установлениям ислама, Ахмед III должен был принять и защищать их. Обязанность эта считалась непреложной, и когда в Константинополе узнали, что очаковский паша медлит с решением и что из-за него казаки, ожидавшие ответа на противоположном берегу, были порублены настигшими их русскими, султан всерьез подумывал послать этому паше шелковый шнурок.

Удостоверившись, что шведский король находится в его империи, султан поспешил загладить промах. Через несколько дней к королю явился бендерский сераскир (начальник гарнизона) Юсуф-паша с официальным приветствием и с обозом всяких лакомств. Скоро оголодавшие шведы уже угощались дынями, бараниной, отличным турецким кофе. Кроме того, Юсуф-паша привез от султана приглашение, от которого слегка отдавало приказом, чтобы его гости отправились в Бендеры, город на Днестре в 150 милях к юго-западу. На новом месте Карл расположился лагерем, который представлял собой вытянутый вдоль берега Днестра ряд красивых турецких шатров на лугу, в обрамлении фруктовых деревьев. В этом прелестном краю, позднее известном как Бессарабия, неутомному шведскому королю предстояло прожить три года.

Отправляясь туда, Карл не имел ни малейшего представления, какое будущее его ожидает. Он собирался возвратиться в Польшу и возглавить армии Крассова и Станислава, как только заживет его раненая нога. В Польше же король рассчитывал встретить корпус Левенгаупта, который он бросил под Переволочной. В довершение всего Карл послал указ в

Стокгольм, Государственному совету, собирать новые полки и переправлять их через Балтику. Но природа и политика словно сговорились ему помешать. Рана заживала медленно, и прошло целых шесть недель, прежде чем Карл смог снова сесть на коня. Пока король выздоравливал, стало известно, что его старшая сестра, вдовствующая герцогиня Голштинская Хедвига София, умерла в Стокгольме во время эпидемии кори. Несколько дней король, не имевший своей семьи, не мог осушить слез. Он укрылся в шатре и не хотел видеть даже ближайших друзей. Сначала он просто отказывался верить этому сообщению, хотя оно содержалось в официальном письме с соболезнованиями от шведского Совета. Младшей сестре Ульрике Карл написал о своей надежде, что «этот слишком страшный, совершенно внезапный слух, совсем меня ошеломивший», будет опровергнут. Позже он писал ей, что был бы счастлив умереть первым из них троих и что теперь молится о том, чтобы оказаться хотя бы вторым.

Вскоре его постигло еще одно горе. Больного, престарелого гетмана Мазепу, на свою беду перед Полтавой связавшего судьбу с Карлом, из королевского лагеря пришлось перенести в дом в Бендерах, но там от жары ему стало еще хуже. Карл не предал союзника: когда от Петра пришло предложение освободить графа Пипера в обмен на Мазепу, король отказался. 22 сентября 1709 года Мазепа умер, и Карл на костылях хромал за гробом.

Удар за ударом обрушивался на короля, одно известие было хуже другого: Левенгаупт сдался под Переволочной, русские войска под командованием Меншикова потоком хлынули на польские земли; Станислав и Крассов отступили; Август нарушил Альтранштадтский договор и вторгся в Польшу, чтобы вернуть себе корону; Дания возобновила войну против Швеции и ввела на ее территорию свою армию. Тем временем петровские войска с победой продвигались по прибалтийским провинциям и уже захватили Ригу, Пернов, Ревель, Выборг. Отчего же Карл не вернулся в Швецию, чтобы взять бразды правления? Прежде всего, добраться туда было совсем непросто, Бендеры лежали в 1200 милях к югу от Стокгольма. Путь через Польшу Карлу был отрезан войсками Петра и Августа. Вспышка чумы заставила австрийцев накрепко закрыть все свои границы. Правда, Людовик XIV неоднократно предлагал переправить Карла в Швецию на французском корабле. Королю-Солнце не терпелось увидеть, как этот шведский «гром небесный» опять примется бесчинствовать в Восточной Европе, за спиною английских, голландских и австрийских соперников Франции. Но Карл опасался попасться в лапы к пиратам. Да если бы он и согласился, чтобы его доставили домой французы, а то и англичане или голландцы – какую плату потребовали бы от него взамен? Почти наверняка королю пришлось бы выступить на стороне своих спасителей в войне за Испанское наследство.

Так или иначе, когда у Карла прошло разочарование из-за невозможности немедленно отправиться в Польшу, он почел за лучшее остаться в Турции. На его взгляд, пребывание в Османской империи открывало для него новые радужные перспективы. Ведь если бы он сумел подвигнуть султана пойти войной на русского царя и вместе с ним предпринять успешное наступление на юге, то, может быть, Петра наконец удалось бы разбить, а к Швеции вернулось бы все, что она потеряла. И начиная с осени 1709 года агенты Карла, Понятовский и Нейгебауэр, окунулись в пучину константинопольских интриг, сиюсь разрушить то, чего успел добиться Толстой.

Задача у них была не из легких. Турки не хотели воевать, и особенно после того, как разнеслась весть о Полтаве, потрясшая Константинополь. Долго ли осталось ждать, чтобы царский флот появился у входа в Босфор? Перед лицом такой опасности многие советники султана охотно пошли бы навстречу требованиям Петра и выставили бы шведского смутьяна вон из империи. «Король Швеции, – говорится в одном турецком документе того времени, – тяжким бременем лег на плечи Высокой Порты». С другой стороны, в Османской империи существовали горячие сторонники войны с Россией. Главным был ярый ненавистник России крымский хан Девлет-Гирей, по договору 1700 года потерявший право взимать дань с русских. Он и его всадники рвались возобновить опустошительные набеги на Украину, где всегда можно было поживиться богатой добычей и пленниками. К тому же Нейгебауэру

посчастливилось снискать расположение матери султана Ахмеда. Воображение этой дамы и раньше поражал легендарный герой Карл XII, а теперь Нейгебауэр красочно ей обрисовал, как ее сын может помочь шведскому «льву [Карлу] пожрать царя».

Но для осуществления планов Карла требовалось еще одно условие. Мало было просто побудить султана вступить в войну – следовало успешно провести кампанию и добиться нужных целей. Карл понимал, что все это станет возможным, только если в Европе появится свежая шведская армия под его началом. Поэтому, когда уже шла мобилизация османского войска, король настоятельно требовал у Стокгольма «обеспечить благополучную и своевременную доставку в Померанию вышепоименованных полков, дабы наше участие в предстоящей кампании не провалилось».

Это требование удивило и даже ошеломило шведский Государственный совет. Еще в ноябре 1709 года, после Полтавы, Дания встрепенулась, нарушила Травендальский мир и возобновила войну со Швецией. Датские войска заняли юг Швеции. Государственный совет столкнулся с прямой военной угрозой, с сокрушительной тяжестью расплаты за уже, казалось, проигранную войну, поэтому королевский указ отправить в Польшу еще один экспедиционный корпус был воспринят здесь как безумие. Карлу сообщили, что выделить войска не представляется возможным.

Словом, по иронии судьбы Нейгебауэр с Понятовским добились от Константинополя того, чего хотели, а Карл от Стокгольма – нет. Османов воевать уговорили, но при этом в наличии не было ни одного из великолепных шведских полков, которые, подобно стальному стержню, скрепили бы ряды турецкой армии и заставили бы всех считаться со шведским королем. И хотя Карл был, бесспорно, величайшим полководцем в пределах Османской империи и кумиром всей турецкой армии, а в особенности янычар, формально он союзником турок не являлся и в подготовке к военной кампании не участвовал. В результате его последний и, возможно, самый верный шанс одолеть Петра рассыпался в прах.

Присутствие Карла в Османской империи тревожило не только турок. С тех пор как он туда явился, Петр через посредство Толстого настаивал на его выдаче или изгнании. Шли месяцы, и тон царских посланий становился все жестче, что сыграло на руку партии сторонников войны в Константинополе и Адрианополе. Когда же царь категорически потребовал, чтобы султан до 10 октября 1710 года ответил на запрос по поводу выдворения Карла из Турции, его заявление сочли оскорбительным для достоинства Тени Аллаха. Эта капля переполнила чашу. Султан наконец внял уговорам крымского хана, шведов, французов и собственной матери: 21 ноября на торжественном заседании Дивана было провозглашено, что Турция объявляет войну России. Первым пострадал Толстой. По турецким законам в военное время послы утрачивали дипломатический иммунитет – Толстого схватили, сорвали с него почти всю одежду, усадили на старую клячу и провезли по улицам к месту заключения, Семибашенному замку.

С объявлением войны пост великого визиря занял Мехмет Балтаджи, для того и назначенный, чтобы воевать с Россией. Это был довольно странный выбор – современник описал Балтаджи как тупоумного и бездарного старого педераста, никогда не знавшего толку в военном деле. Тем не менее он отважился начать наступление. Той же зимой легкой, подвижной коннице татарского хана предстояло, собравшись с силами, ударить из Крыма на север, по Украине, чтобы разжиться на казачьих землях пленниками и скотом и вознаградить себя за все десять мирных лет, когда татары оставались без добычи. Весной главные силы османской армии должны были выступить из Адрианополя на северо-восток. Артиллерию и боеприпасы следовало морем доставить в город Исакача на Дунае. Туда же должны были подойти войска и татарская конница, чтобы вместе составить почти 200-тысячную рать.

В январе татары вторглись в область между средним течением Днепра и верховьями Дона и разграбили ее. Но назначенный Петром новый казачий гетман Скоропадский оказал им мощное сопротивление и заставил отступить, так что отвлечь на себя крупные силы, как рассчитывал великий визирь, татарам не удалось. В конце февраля на Янычарском дворе подняли бунчуки – знак войны – и отборный 20-тысячный корпус, повесив на плечо

сверкающие мушкеты и живописные луки, выступил на север. Главные части шли медленно и добрались до Дуная только к началу июня. Тут сняли орудия с кораблей и поставили на лафеты, сформировали обоз, и вся армия переправилась на восточный берег реки.

Пока турецкое войско собиралось на Дунае, великий визирь послал Понятовского, который представлял Карла при дворе султана, в Бендеры – пригласить Карла участвовать в походе, но лишь в качестве гостя великого визиря. Искушение было сильно, король сначала едва не поддался ему, но потом решил воздержаться. Как монарх он не мог примкнуть к армии, которую возглавлял не он сам, особенно же если командующий уступал ему рангом. Это решение, по-видимому, стало роковой ошибкой Карла.

* * *

Война 1711 года, приведшая к Прутскому походу, была не нужна Петру. Это столкновение между Россией и Османской империей вдохновил Карл. Тем не менее Петр, все еще возбужденный Полтавской победой, уверенно принял вызов и поспешил с приготовлениями. Из Польши было отправлено 10 полков русских драгун на охрану границы с османами. Шереметеву с 22 пехотными полками приказали выступить из Прибалтики на Украину. Для обеспечения предстоящих боевых операций в стране ввели новый, исключительно тяжелый налог.

25 февраля 1711 года в Кремле состоялась величественная церемония. Преображенский и Семеновский полки стояли в строю на площади перед Успенским собором, а на их красных знаменах были вышиты кресты с древним девизом императора Константина: «Сим знаменем победиши!» В соборе Петр торжественно провозгласил священную войну «против врагов Христовых». Царь собирался лично возглавить поход на турок, и 6 марта выехал из Москвы вместе с Екатериной. Но он заболел, и в его письмах звучат разочарование и отчаяние. «Имеем и мы надлежащий безвестный и токмо единому Богу сведомый путь», – пишет он Меншикову. Апраксину было поручено командование в низовьях Дона, включая Азов и Таганрог, и в письме он просил у царя указаний, где ему разместить ставку. Царь отвечал: «Где вам быть, то полагаю на ваше рассуждение, ибо вся та сторона вам вручена и что удобнее где, то учините, ибо мне, так отдаленному и, почитай, в отчаянии существу, к тому ж от болезни чуть ожил, невозможно рассуждать, ибо дела что день отменяются».

Петр болел тяжело. Он написал Меншикову, что перенес приступ, длившийся полтора дня, и что никогда в жизни не был так болен. Через несколько недель ему стало лучше и он смог доехать до Яворова. Там он с удовольствием увидел, что местная польская знать принимает Екатерину почтительно и, обращаясь к ней, называет ее «ваше величество». Сама Екатерина была в восторге. «Мы здесь часто бываем на банкетах и вечеринках, – писала она 9 мая Меншикову, оставленному оборонять Санкт-Петербург. – А именно четвертого дни была у гетмана Синявского, а вчерашнего дни были у князя Радзивилла и довольно танцевали». Затем, касаясь какого-то воображаемого знака царского пренебрежения, она утешала встревоженного князя: «И доношу Вашей светлости, дабы вы не изволили печалиться и верить бездельным словам, ежели со стороны здешней будут происходить, ибо господин шаутбенахт [Петр] по-прежнему в своей милости Вас содержит».

Петр поехал в Яворов, чтобы подписать брачный договор о союзе между его сыном Алексеем и принцессой Шарлоттой Вольфенбюттельской. Представитель герцога Вольфенбюттельского, Шлейниц, так описывал тогда своему господину царскую чету: «На следующий день около четырех часов царь опять прислал за мной. Я знал, что найду его в комнате царицы и что ему доставит большое удовольствие, если я поздравлю царицу с тем, что брак ее обнародован. После того как польский король и наследный принц сделали заявление на сей счет, мне это показалось уместным, а кроме того, я знал, что польский посланник называл царицу „ваше величество“. Войдя в комнату, я, невзирая на присутствие царя, обратился прямо к ней, поздравил от Вашего имени с объявлением о ее браке и вверил

принцессу [Шарлотту] ее дружбе и попечению».

Довольная Екатерина просила Шлейница поблагодарить герцога за добрые пожелания и сказала, что ждет не дождется, когда увидит и обнимет принцессу, будущую жену ее пасынка, и спросила, действительно ли царевич так сильно влюблен в Шарлотту, как говорят. Пока Екатерина беседовала с посланцем, Петр в другом конце комнаты рассматривал какие-то математические приборы. Услыхав, что Екатерина заговорила об Алексее, он положил их на стол и подошел, но в разговор не вступил.

«Меня предупреждали, – продолжает Шлейниц в своем письме к герцогу, – что поскольку царь меня едва знает, то я должен первым обратиться к нему. Поэтому я ему сказал, что Его царское величество спрашивает, очень ли сильно царевич влюблен в принцессу. Я заявил, что уверен, что царевич с нетерпением ждет отцовского согласия, необходимого для полного его счастья. Царь отвечал через переводчика: „Я не хочу откладывать счастье моего сына, но в то же время не хочу совсем лишиться своего собственного счастья. Он мой единственный сын, и я желаю после окончания кампании лично присутствовать на его свадьбе. Она состоится в Брауншвейге“. Он пояснил, что не волен вполне собою распоряжаться, так как его ожидала встреча с врагом сильным и скорым на перемещения, но что он постарается устроить так, чтобы осенью поехать на воды в Карлсбад, а оттуда – в Вольфенбюттель».

Через три дня прибыл свадебный контракт, подписанный герцогом Вольфенбюттельским без изменений. Петр призвал к себе посла Шлейница и приветствовал его немецкой фразой: «У меня для вас отличные новости». Он показал контракт, и когда Шлейниц поздравил царя и поцеловал его руку, Петр сам трижды расцеловал его в лоб и в щеки и велел принести бутылку своего любимого венгерского вина. Зазвенели бокалы, Петр два часа воодушевленно рассказывал о своем сыне, об армии, о грядущем походе на турок. Позднее польщенный Шлейниц писал герцогу: «Я не в состоянии как следует передать Вашему высочеству, с какой ясностью суждений и скромностью царь говорил обо всем».

Уверенность Петра, что кампанию против турок он завершит достаточно скоро, чтобы успеть подлечиться на карлсбадских водах и попасть на свадьбу сына, отразилась и в беседе, которая состоялась тогда же у них с Августом. Саксонский курфюрст еще раз вступил в Варшаву и потребовал вернуть ему польскую корону, а его соперник Станислав бежал вместе с отступавшими шведами в Померанию. Август намеревался преследовать врагов и осадить находившийся у шведов балтийский порт Штральзунд. Петр обещал выделить на поддержку Августа 100 000 рублей и передал под его командование 12 000 русских солдат. Петровский план действий против турок, смелый до безрассудства, состоял в том, чтобы идти в низовья Дуная, переправиться через реку чуть выше впадения ее в Черное море и двигаться по Болгарии на юго-запад до тех пор, пока под угрозой не окажется вторая столица султана, Адрианополь, или даже сам сказочный Константинополь. Русская армия, которую царь собирался взять с собой, была невелика – 40 000 пехоты и 14 000 конницы – по сравнению с полчищами, которые мог выставить против него султан. Но Петр рассчитывал, что, как только он вступит в христианские провинции Османской империи, граничащие с Россией, его встретят там как освободителя и в его армию вольются 30 000 валахов и 10 000 молдаван. Тогда численность его войск достигнет 94 000.

Этот план наступления был отчасти задуман как способ отвести войну от Украины, опустошенной из-за шведского вторжения и предательства Мазепы, где наконец-то хоть ненадолго воцарилось спокойствие. Ведь если бы османская армия вторглась в украинские степи, кто знает, на чью сторону встали бы непостоянные казаки. Переводя боевые действия на османскую территорию, Петр во всяком случае мог не беспокоиться об этом. Уж лучше ему самому сеять смуту среди беспокойных подданных султана, чем испытывать это на себе.

Петр не без оснований ожидал помощи при вступлении армии на земли христианских провинций. Все годы своего царствования он непрерывно получал обращения от представителей православных народов Балкан – сербов, черногорцев, болгар, валахов, молдаван. С тех пор как он нанес султану в 1698 году ощутимый удар и взял Азов, они с

новой силой стали лелеять мечту об освобождении и не скупилась на обещания. Они клялись, что если на их земли ступит русская армия, то к ней присоединятся местные войска, продовольствия будет вдоволь, поднимется все население. Между 1704 и 1710 годами в Москву четыре раза приезжали сербские вожди, чтобы побудить россиян к действиям. «У нас нет другого царя, кроме православнейшего государя Петра», – говорили они.

До Полтавы Петр, опасаясь любых шагов, способных толкнуть султана на нарушение перемирия 1700 года, отвечал на эти призывы осторожно. Но после Полтавы Толстой и другие русские агенты в Османской империи начали готовить почву для антитурецкого восстания. И теперь, весной 1711 года, час пробил. Во время церемонии, состоявшейся в Кремле перед его отъездом из Москвы, Петр огласил воззвание, в котором открыто объявлял себя освободителем балканских христиан. Он призывал всех их – и католиков, и православных – подняться против османских хозяев и добиться, чтобы «потомки поганого Магомета были изгнаны к себе на родину, в пески и пустыни аравийские».